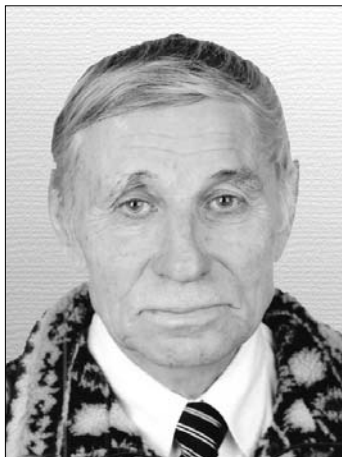

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

РАССКАЗ

Таисия сидела на нижней полке у окна общего вагона и смотрела на расцветные роздыми осенних полей, медленно проплывающие перед её полусонными глазами. Рядом спала десятилетняя дочь Алла, а на противоположной полке, прижавшись друг к другу, спали сыновья: старший — двенадцатилетний Никита — и младший — Юрик.

Таисия вглядывалась в едва проступающие очертания отчуждённо разбросанных на сельских просторах непривычных глазу хуторов и думала, что, наверное, зря она сорвалась с родовых сибирских мест и потащила с детьми в неведомые края, в чужелюдьё, надеясь, что дети окрепнут в тепле да на обильных садовых дарах, особенно часто болевший младший, которому врачи советовали сменить климат.

Видно, судьба наказывает её за то, что отрешилась она от малой родины, которая вскормила её с младенчества, оберегала в суровости своих зим и радовала щедростью недолгого лета, если всего-то за год с небольшим она сменила два местожительства на Украине и нигде не смогла прилепиться с чадами своими. А теперь вот снова поднялась в дорогу, продав корову и неподъёмное барахло, в новообретённые земли бывшей Восточной Пруссии, в город Советск, когда ещё не остыли, не отболели раны войны: истекал 1946 год.

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького в одном семинаре с Н. Рубцовым, О. Фокиной, Д. Ушаковым и др. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников, лауреат премии им. Н. Заболоцкого (2002 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Людские потоки, как в весеннее половодье вода, заполнили страну, пробиваясь через распухшие от мятущихся толп вокзалы к переполненным поездам, волоча за собой узлы, мешки, чемоданы и всякие другие багажные тяжести.

Одинокие и многодетные, демобилизованные военные при орденах и медалях, спекулянты и дети-беспризорники искали своё место в растревоженной, опалённой войной стране. Кто-то спешил к своим родовым местам, где их ждали, кто-то ехал, не зная, где найдет себе новое пристанище, ибо старое по каким-то причинам не приняло их, или они не захотели возвращаться в постылое место, и всякий искал неведомый благодатный край, который бы принял его как родного.

Вот и Таисия сорвалась со своей тройней из родовых мест осенью сорок пятого на Украину, куда позвала её в своё родное село подруга-учительница, такая же вдова-горемыка с двумя девочками-близняшками семи лет. Таисия думала: а чего ей ждать от судьбы в таёжном селе за сотню верст от ближайшей станции-полустанка хоть для себя тридцатидвухлетней, хоть для детей, которые рано или поздно выпорхнут на отеческое раздолье, и поди замани их потом назад — поддержать её в неизбежных немочах и тоске?

Слабая надежда, что муж её, Вася, не погиб в сорок первом под Ленинградом, как сообщила похоронка и друзья Васи, видевшие бой, в котором он подорвался на mine, почти истаяла и только изредка внезапным толчком в сердце напоминала о себе.

Ехали долго, почти месяц, оберегая пятерых своих малых сирот, багаж и пряча свертки с деньгами под грудями, бегали на станциях за кипятком и едой на пристанционные базарчики, ехали с пересадкой в Москве навстречу воинским эшелонам, спешившим на Дальний Восток, на издыхающую проклятую войну.

Поначалу на Украине всё вроде складывалось ладно. Большие Хутора были стародавним селом всего в семи километрах от Винницы с хорошей школой-семилеткой, куда взяли её учительницей русского языка, а жить стали в комнате у хозяйки большого дома, вдовой женщины с семнадцатилетней дочерью.

В позднюю осеннюю пору, зябную и дождливую, село не приглянулось Таисии. Хаты сидели на земле низко, с нахлобученными крышами, отчего казались они угрюмыми и близорукими из-за маленьких оконцев. Горизонт скрадывался колхозными постройками и сиротливым угором — одним на всю округу. Посреди села темнел затенённым мелководьем ставок. За ним чернел корявыми линиями ветвей наполовину вырубленный колхозный фруктовый сад.

Таисия приглядывалась к людям и к детям, которых учила, и всё острее чувствовала недобрые взгляды с немым вопросом:

— Зачем ты, кацапка, приехала на нашу батькивщину? Кому ты туточки треба?

Таисия думала: может, война засушила сострадательные чувства в людях, зачерствели их души в оккупации; пройдёт время, и жизнь упрячет в дальние уголки памяти кровь и смерть и высветит изначальную сущность человека: доброту да милосердие друг к другу.

Однако время шло, а отношения ни в школе, ни с молчаливой хозяйкой так и не становились теплее.

А тут ещё трагический, нелепый случай, который приключился прямо у неё на глазах, грубо подтолкнул её к давно вынашиваемому решению: уехать куда-нибудь, лишь бы не жить здесь, на чужой земле.

В доме у её хозяйки остановился демобилизованный майор, ехавший из Германии на свою малую отчину. Видимо, хозяйка нашла его в Виннице на вокзале и пригласила к себе погостить, думая устроить судьбу своей дочери-невесты. Привезла она его поздним вечером, затемно, на колхозной телеге, отвела чисто убранную комнату с отдельным выходом на террасу и спроводила ужин с доброй горилкой, посадив майора рядом с дочерью.

На второй или третий день к дочери хозяйки пришла подруга, и майор увяз в её густых, длинных по-кошачьи ресницах и певучем голосе с колдовским смехом.

Дочь хозяйки накрывала стол на террасе, а майор уединился с подругой в своей комнате. Таисия слышала, как дочь хозяйки всё звала и звала подругу с майором к столу, а они все не шли и не шли. И вдруг раздался выстрел, от которого у Таисии всё внутри оборвалось.

Весёлым голосом майор произнес:

— Вишь, как испугалась. Теперь не будет звать.

Дальнейшие события Таисия помнит смутно. Она боялась за детей, обнимая их и успокаивая, и слышала только надрывный, истошный плач хозяйки с прерывистыми причитаниями. Потом приехали какие-то люди, и многоголосый плач переместился во двор.

Неожиданно в комнату Таисии вошёл майор с чемоданами в руках. Он что-то говорил, пряча чемоданы под кровати детей, а Таисия замерла от страха, не в силах ни говорить, ни спрашивать.

Запомнилось, что, уходя, майор сказал:

— Пусть это все останется твоим сиротам. А моя жизнь кончена.

В дальнейшем выяснилось, что майор хотел погугать дочь хозяйки и выстрелил из пистолета наугад через стенку в сторону террасы. Пуля попала в голову несчастной девушки, и она скончалась на руках матери, когда везли её в больницу.

На следующий день после похорон Таисия позвала хозяйку и вытащила из-под кроватей чемоданы майора:

— Возьмите, это должно принадлежать вам.

Хозяйка молча вышла из комнаты и только через два или три дня заговорила с Таисией:

— Он это вит дал твоим дитам. Но если ты так хочешь, давай разделимо, будь оно проклято.

Таисия поняла, что дело не в трофейных вещах, а в чём-то более важном, что нельзя выразить словами, а только очистительным порывом сердца к состраданию и молчаливыми слезами, оплакивающими гореносную долю одинокой пожилой женщины.

И ещё она поняла, что чужое никогда не приносит радости, а только несчастье, как будто оно впитало в себя чьё-то горе и спешит поделиться им с новыми хозяевами.

Так потом и вышло, всё растряслось куда-то без пользы, и слава Богу.

И ещё сказала хозяйка:

— Вам треба пошукать другу хату. Вместе проживаты невозможно.

Другого жилья ни у кого не нашлось, наступила зима с сиротскими снегами и морозами, и директор школы отдал Таисии с детьми помещение истопника, где стояла печь, обогревающая несколько классов. Её надо было топить, добывая дрова, где придётся.

Старший сын ходил в колхозный сад и, плача от досады на своё слабосилие, отщипывал от пеньков щепки топором. Избитыми в кровь кулачками утирал слёзы, думая, что отец одним бы махом разрубил бы эти чёртовы пеньки. И память о нём оживала с новой силой, терзая душу мальчика.

Таисия застыла в своей растерянности от пустоты, которая окружала её всюду, кроме маленькой комнаты истопника, где она кормила и утешала своих сирот.

Она пыталась улыбаться при встречах с односельчанами, детям на уроках, но улыбка не возвращалась, а гасла на темных лицах людей.

И она поехала в районо просить, чтобы её перевели в другое место.

Так они попали на Казатин-2, небольшой разъезд с маневровыми путями и железнодорожной мастерской-депо, с разбитыми войной стенами пакгауза... В метельную, морозную ночь она вытащила младших из вагона на межпутье, а со старшим Никитой выбросила из тамбура вещи уже на ходу поезда. Ночь. Пустынно. Ни огонька. Она пошла наугад, пока не увидела будку стрелочника. В ней около жаркой буржуйки и дождались утра.

Как вновь назначенному директору школы-четырёхлетки, ей выделили комнату в доме барачного типа.

Но и Казатин-2 не стал для Таисии оседлым местом, хотя и обзавелась она необходимой утварью и даже коровой, и школу обиходила, и люди при-

няли новую горемыку-переселенца. Один слесарь из мастерских даже стал ухаживать за ней с серьёзными намерениями, да вскоре арестовали его как бывшего полиция.

Снова не потрафила судьба старшему: в шестой класс Никите пришлось ходить в Казатин-1, за шесть километров, и больно было смотреть, как тяжело он поднимался, уходя в дождливую или в снеговую темень в рамках, кое-как залатанных да зашитых Таисией.

Но и года не прошло, как позвала её сестра Катя в Советск, бывший немецкий город Тильзит: мол, тут полно пустых домов, брошенных прежними хозяевами, один, рядом с собой, присмотрели, мол, для тебя.

Справный дом, с сараем и садом, да и жить легче, когда рядом родной человек.

И она решила переехать, тем более что переселенцам давали подъёмные на обустройство в новообретённом краю.

...За окном вагона заметно рассвело, дети спокойно спали, да и вагонный народ только просыпался, и редко кто проходил мимо по разным надобностям.

Она снова погрузилась в раздумье. Какая метель-завируха унесла её из родимых мест, где она выросла в кержачьем селе посреди дремучей тайги в многодетной семье? Там же, недалеко, окончила педучилище, там же вышла замуж за высокого, весёлого младшего политрука Васю, которого знала с детства. Она родила ему троих — двух сыновей и дочь, и вынянчила их, сидя с книгой или ученической тетрадкой около зыбки, засыпая от усталости и просыпаясь от плача ребёнка.

Васю перевели на Дальний Восток, но она смогла уехать к нему только через полтора года. Там, в пограничном гарнизоне недалеко от Спасска, и вызрела в предвоенные годы её самая счастливая пора, бабья весна и лето — всё вместе.

Нет, не зря Вася называл её цыганочкой: и по наружности — черноволосая с коричневыми, как кедровый орех, глазами, припушенными соболиными ресницами, тонко очерченными по-восточному чертами красивого лица — и по характеру — весёлая непоседа, увлекавшаяся то драмкружком, то сочинительством пьес, то всякими задумками, — она в числе первых вступила в комсомол. Её неодолимо тянуло в незнакомые места и к новым впечатлениям.

Вася извёлся, ухаживая за ней. Приходил к её матери, спрашивал робко:

— Тася дома?

— Удержишь её за хвост. Как есть леший скипидаром мажет, изви её. Брал бы ты её поскорее, мне бы облегчил переживания.

Но и замужем Таисия не утомилась. Может, поэтому Василий и добился перевода на дальневосточную границу: там не попрыгает, там свой строгий режим.

А там была самая счастливая пора её жизни, пронизанная неугасимым светом взаимной любви с Васей и с детьми, в которых каждый день она открывала новые и новые истоки радости.

Там она была королевой гарнизона, и только ревность других женщин затеняла иногда свет её недолгого счастья.

Война в одночасье состарила её, на глаза упала тень вдовьего платка, а волосы посерели, потеряли свою сумеречную мягкость, когда через три месяца она получила похоронку на мужа.

В это время она уже уехала с Дальнего Востока и жила с детьми на своей изначальной родине с матерью, сестрами и братьями.

...Поезд сбавил ход, как будто осторожничал ехать по малоизученному пути.

Таисия смотрела на прибранные поля, на которых паслись коровы и редкие лошади, на ухоженные усадьбы и угрюмых людей, неторопливо работающих в поле, и думала, что Литва совсем не похожа на Украину, а тем более на Сибирь. Она стала замечать, что её стали пугать незнакомые места, ничего хорошего она не ждала от них, и особенно от бывшего немецкого го-

рода, но возвращение в Сибирь означало бы её полное поражение, а она этого не могла допустить хотя бы в глазах детей.

...На вокзале в Советске их встретили сестра Катя с мужем Николаем Михайловичем — осанистым мужчиной в строгом швейцарском костюме, надетом на свитер. Таисия видела его в первый раз. Сестра вышла за него замуж уже после войны, имея на руках дочь восьми лет от первого мужа, который неведомо как растворился перед самой войной. Второй Катин муж привёл с собой двух дочерей-погодков от своего первого брака, ровесниц Катининой Валюшки. Николай Михайлович усадил Таисию с детьми в кузов полутурки, туда же посадил и жену, а сам сел в кабину к шоферу, и они поехали в посёлок, находящийся в трех километрах от города.

Таисия смотрела на развалины зданий, на мрачные стены католического собора с чёрными провалами, на уцелевшие в войне дома под диковинными черепичными крышами, на брусчатую дорогу с мелкими выбоинами и аккуратные тротуары и видела во всём настороженность и отчуждённость. Ознобный холод исходил от каждого здания, и она невольно ёжилась и укрывала детей.

Но им не сиделось, они то и дело вскакивали и кричали друг другу, показывая:

— Смотри, как долбанули наши из пушек, ничего от дома не осталось!

— А вон следы танка, прямо по тротуару, по забору.

— Вон, вон, смотри, разбитый мотоцикл валяется, а вон рама от велосипеда.

Действительно, город как будто не торопился освобождаться от следов минувшей войны, то ли не желая предстать перед победителями в нарядном обличье, то ли просто от безразличия к своей дальнейшей судьбе.

Таисия вспоминала виденные по дороге развалины городов России и Белоруссии, сожжённые дотла деревни, разбитые вдребезги вокзалы, и мстительное чувство говорило в ней: это за наше горе, за наши слёзы. Ей и в голову не приходило, что это теперь её город, а значит — ей его восстанавливать и обживать.

Сестра рассказывала о жизни в Советске, что город ей нравится, дома в посёлке кирпичные, с подвалами и сараями, с огородами и садами, где много яблонь и вишен. Заборы из металлической сетки, но они почти не видны в густо посаженных кустах сирени и жасмина. Случается, что люди находят закопанные клады убежавших хозяев, но там, в основном, посуда, разные кухонные принадлежности, иногда вещи, но ничего дорогого не попадается.

Воду берут в колодце, однако обещают восстановить водопровод, на главной улице уже действуют колонки. Свет вот-вот должны дать, а пока, мол, освещаемся керосинками, ну, да нам не привыкать.

В городе богатый рынок, особенно по воскресеньям, когда литовцы привозят свои продукты: масло, молоко, сыр, колбасы, сало, пригоняют скот на продажу. Литва совсем рядом, только мост перейти через Неман. Там можно купить всё дешевле, но мало кто рискует ездить к ним из-за бандитствующих “лесных братьев”, живущих в лесах, как жили наши партизаны во время войны.

А в Советске спокойно, здесь стоят наши воинские части, сюда не сунутся. Таисия увидела женщину, торопливо идущую по тротуару с низко опущенной головой. Её шаги дробно разносились по пустынной улице, пугливо исчезая в просветах между домами, как будто прячась от чужих глаз.

— Что это у неё на ногах? — спросила она Катю.

— Деревянные колодки. Наверно, мода у немков такая. Это из последних, кто ещё не уехал. Наши их выселяют в Германию.

Вдруг машина затормозила, Николай Михайлович выскочил из кабины и подобрал в кювете сломанную лопату и кусок доски.

Сестра засмеялась:

— Всякую железку подбирает. Натащил целый сарай пустого барахла. Куда оно ему?

Посёлок оказался ещё меньше, чем предполагала Таисия: две улицы, перпендикулярные одна к другой, создавали впечатление прочности и про-

стоты. Никаких переулков, нарушений геометрически правильных линий домов, никаких архитектурных фантазий. Тем непонятнее было название улицы, где жила сестра, — Кривая.

Рядом стоял одноэтажный дом с двухскатной крышей, присмотренный для Таисии.

Он сразу понравился ей своей непритязательностью, отрешённостью от соседних двухэтажных громад своим заросшим травой и порослью печальным садом и прудиком, похожим на глаз мёртвого дракона. Песчаные дорожки были укрыты сухими листьями и травой, а сарай стоял с распахнутыми воротами, как будто ждал, что вот-вот войдёт в него живое существо и согреет озябшие стены своим дыханием.

Таисии стало жаль этот дом в его одиночестве, захотелось войти, пожалеть...

Но она тут же одёрнула себя: сперва получи разрешение, а потом и влезай в его кирпичную душу.

Им пришлось пожить у Кати почти две недели, пока Таисии не выдали документы на проживание в облюбованном доме.

Теперь, когда они с сестрой, Николаем Михайловичем и детьми привели дом в состояние, пригодное для жилья, не откачав только воду из подвала, она по-другому увидела его. Дом уже не казался ей скромным тихоней, покладистым, как прирученный зверёк. Он жил какой-то своей, неведомой ей жизнью. Многоголосое эхо вдруг возникало от одного только сказанного тихого слова, скрипела лестница на чердак, где была комнатка, когда она с детьми находилась внизу; двери открывались и закрывались сами по себе, и дом иногда вздыхал, как покинутый, одинокий старик.

Она хотела подружиться с домом, искала пути к нему, как к живому существу, чаще мыла полы, вытирала пыль, повесила на стены фотографии близких и найденные на чердаке картины на картонках, украсила бумажными кружевами, как это делала в Сибири, полочки в шкафах, смазала дверные петли, но все-таки дом оставался чужим и непонятным.

Но очень скоро она забыла про свои отношения с домом. Нужно было устраиваться на работу, определять детей в школу, приспособливаться к новым, непривычным условиям жизни.

Вода из колодца, освещение от керосиновой лампы, тепло от печи, продукты по карточкам, — всё это было хранимо памятью, заученными с малолетства движениями, впитано всем её существом матери и защитницы домашнего очага.

Но она не знала, как подступиться к саду, чтобы он рос и плодоносил, как уберечь детей от поисков кладов в пустующих домах и хуторах, от игр с найденными патронами, гранатами и даже минами или снарядами, что иногда кончалось трагически.

И она молилась перед единственной иконой Казанской Божьей Матери, которой её благословила мать, когда она впервые покидала родное село, о спасении своих детей и защите от огня пылучего, от воды топучей, от лиха и лихого человека.

И жизнь постепенно налаживалась, расставляла всё по своим местам и определяла порядок, что делать и о чем заботиться.

Ей предложили вести второй класс в городской школе-десятилетке, однако неблизкий пеший путь и страх перед не уехавшими ещё немцами заставили её отказаться от привычной работы.

А тут на счастье подвернулась работа бухгалтером в лесничестве, контора которого была на другом конце посёлка. И она не без робости, но согласилась: всё-таки близко от дома и дрова будут почти бесплатными. Рядом с конторой была школа-четырёхлетка, куда и приняли младших дочь и сына с условием, что они дома наверстают отставание в учёбе за пропущенный семестр.

Старшему, Никите, снова выпала дальняя дорога в городскую школу, но он, как и прежде, все терпеливо сносил, осознав с началом войны, что на него легли все обязанности погибшего отца, а детские шалости, слёзы и капризы остались в далёком и почти забытом детстве.

Никита заметно подтянулся в росте, отчего худоба его стала ещё заметней, оттопыренные уши, которые он старательно прятал под шапкой, нелепо торчали в стороны, едва оказывались на свободе, взгляд его почти всегда был озабоченным, и даже улыбку он старался скрывать, не размыкая скошенных от этого в сторону губ.

Таисия на подёмные купила у литовцев на рынке корову, как и прежде назвав её Зорькой, и теперь Никите приходилось пасти её и возить излишки молока на рынок на кое-как слепленном из найденных деталей велосипеда. Не нашёл он только целых камер с крышками и поэтому приладил на обода колес резиновый шланг. Ножной тормоз тоже почему-то не работал, но Никита приспособился и к этому.

Когда выпадал снег и под колесами машин от легкого морозца превращался в накатанный снежный панцирь, Никита надевал на валенки конькиножи, найденные на чердаке, прикручивая их ремнями с палочкой, и катился на них в школу, значительно сокращая время в пути.

Он любил это шоссе, ведущее в город. На большей своей части его укрывали нависшие ветви деревьев, то образуя зелёный тоннель, источающий весенние запахи молодой листвы лип и клёнов или знойный аромат лета, настоенный на созревших семенах, то в зимние снегопады превращаясь в сказочные, украшенные драгоценными камнями замки.

И только одно место он старался проскочить как можно скорее, задерживая дыхание, — пекарню, откуда доносился запах свежеепеченного хлеба, и всё нутро его бунтовало, затемняя глаза тёмными кругами и обостряя чувство голода до предательской слабости во всём теле.

2

Школа № 1 была лучшей в городе. Кирпичные мощные стены трёхэтажного корпуса, широкие коридоры и лестничные марши, необъятный двор со спортивными площадками и просторный актовый зал вызывали у Никиты такую почтительность, что он долго боялся войти в класс, пока не пришла за ним, робко стоящим в коридоре, учительница и не посадила на предпоследнюю парту дальнего от входа ряда.

Никита поджал под сидение ноги, обутые в старые валенки, перевязанные проволокой, опустил руки на колени, чтобы не было видно заплаток на рукавах тесного пиджачка, и благодарно посмотрел на учительницу.

В первые дни школьных занятий Никита ни разу не вышел из класса во время перемен. Продолжая стесняться своего затрапезного вида, он склонился над учебником, а сам рассматривал своих одноклассников и вскоре убедился, что не он один обделён справной одеждой и не он один глотает слюни, когда говорят о еде. Никита быстро сдружился с такими же, как он, одноклассниками, не входившими в сплочённые группы старожиллов школы, а в посёлке верховодил своими малолетними родичами, защищая их от шпаны.

Дети военных и послевоенных лет были особым поколением. Рано повзрослевшие, испытавшие неизлечимую боль потерь отцов и близких, беды, голод и лишения, они быстро учились постоять за себя, легко объединялись в стайки и ватаги с самыми разными наклонностями: от совместной подготовки уроков и выполнения домашних поручений до воровства и попрошайничества, иногда попадая под влияние опытных воров и грабителей.

Остро стояла проблема беспризорников — детей, потерявших родителей или сбежавших от них в поисках своего места в жизни.

Для помощи, а по существу — для спасения детей, попавших в тяжёлые жизненные условия, создавались суворовские и нахимовские училища, школы юнг, детдома и приюты, ремесленные училища, детей брали в чужие семьи и даже в воинские части и на заводы.

Советска это коснулось в малой степени, потому что здесь жили в основном переселенцы, кроме того, город был приграничной зоной с несколькими воинскими частями, и всё-таки случались и воровство, и грабежи и редкие убийства, которые приписывали “лесным братьям”.

Никита редко вспоминал годы, проведённые в таёжном селе, горевой тяжестью осевшие в его памяти, но иногда его охватывала вдруг тоска по их бревенчатой избе, по весенним склонам гор, покрытых лютиками, по черемше и запаху кедровых шишек, по остекленевшей речушке Сибуле, подолом которой ходили хариусы.

Он ещё не знал, как называется эта тоска, которая останется в его сердце на всю жизнь.

Притяжение родины схоже с драгоценными зёрнами, которые долго зреют в душе и памяти ребёнка, собранные неосознанно, незаметно для него самого. Сладкие и горькие, колючие и нежные, они ложатся на его маленькое сердце, и какие-то гибнут, упав на иссушенную, чёрствую почву, другие же в животворном потоке природной щедрости вырастают в могучее дерево — дерево памяти рода своего, своей малой родины, дерево любви ко всему, что дало ему жизнь и вырастило на материнском молоке и охранительной силе отчего края.

Шестой класс Никита закончил в основном на четверки, кроме пятёрок по литературе и истории и троек по математике и немецкому. Наступили каникулы, а весна уже отцветала сиренью, осыпалась лепестками густо цветущих яблонь, гремела последними грозами, передавая власть над природой лету.

Никита удивлялся, как это непохоже на Сибирь, где учебный год заканчивался под неторопливо уходящую зиму и припозднившиеся мокроступные снегопады.

Теперь детвора убегала всё дальше от дома, в недоступные в зимнее бездорожье окрестности, и Никита, как дядька-надзиратель, сопровождал и пас, как говорила Таисия, свою младшую непоседливую родню. Однажды они углубились в ближний лес, строгорядный и как будто вычищенный кем-то от мелкокося и хворостья, наполненный незнакомыми терпкими запахами. Детвора вдруг помчалась к бело-розовой кипени кустов, облепивших небольшой холмик.

Никита в азарте обогнал их, но чем ближе подбегал к кустам, тем всё отвратительней становился кислый, тошнотворный запах, идущий оттуда. И только взбежав на холмик, он увидел котловину с гниющими человеческими телами, облепленными мухами. Он бросился назад, схватил детей и, не дыша, увлёк их из этого леса. И с тех пор не мог переносить запах жасмина, где бы его ни встретил.

Но особенно детей привлекали дома, в которых ещё никто не жил. Они обследовали каждый уголок этих домов, их дворы и сараи, копали землю в предполагаемых местах схоронения кладов и находили иногда, чаще всего посуду, инструмент и даже никому уже не нужные рейхсмарки.

Никиту заинтересовал металлический невысокий столб с поперечной широкой пластиной наверху, на которой сохранились следы каких-то букв и цифра 1812.

Позже учительница по истории сказала, что столб поставлен в память выступления на этом месте Наполеона перед своей армией в день начала похода на Россию.

В конце июня дети накупились на яблоки, ещё незрелые, кислые, вяжущие, быстро набивавшие оскомины, но такие вкусные, и не беда, что у многих болели потом животы: сибирский организм не был готов к такому нашествию витаминов.

У одних началась аллергия, у других отвращение к фруктам, которое, правда, держалось недолго.

Первого сентября Никита пошёл в седьмой класс, уже подумывая о своей дальнейшей судьбе, всё чаще поглядывая на красивую форму юнг с бескозырками, гюйсами и сияющими бляхами на пояском ремне. Его завораживали чёткий строй и лихие песни про “Варяга” и неведомую “Жанетту” с какао на борту.

Никита написал заявление о приёме в школу юнг на отделение трюмных машинистов, но по настоянию матери повременил нести его в приёмную комиссию.

Таисия к осени обвыкла в новой обстановке, уверенно чувствовала себя в бухгалтерской должности, подружилась с соседями, привычно управляясь с домашними делами и заботами о детях, кое-как утоляя их голод пайковым хлебом, картошкой со своего небольшого огорода и молоком Зорьки. Но к дому так и не могла привыкнуть, к его запахам и звукам, чувствуя себя скорее жиличкой, чем хозяйкой.

Приехала мать с последышем — самым меньшим братом Таисии, который был на три года младше Никиты, и поселилась у неё в дальней комнате, где была спальня мальчиков. Пришлось потесниться, и теперь все трое детей спали на старых диванах в горнице, а когда было тепло — в единственной комнате на втором этаже.

Мать, Ирина Васильевна, привнесла строгий порядок в жизненный уклад семьи Таисии. Волевая, решительная кержачка, острая на язычок и скорая на расправу за непослушание, она быстро стала главной в доме. Дети боялись её, однако любили за добрую отзывчивость, за суровую ласку и рассказы о прежней жизни.

В осеннее сумеречье соберёт мелюзгу вокруг себя, подберёт седые космы в пучок на затылке и неспешно, едва шевеля сухими, как засохшие лепестки, губами, вспоминает о былом:

— Пошли мы со старшей сестрой Матрёной из Агаскыра на золотые места, бывало и машиной, а нет — пешим ходом.

— Золотые места, это где золото?

— Ну да, золотишком там промышляли. Люди побогаче нашего жили. А где ночевали? Да где придётся. Если стог, на стог залезали, под деревом ночевали или в какой-нибудь деревне. Заходили, просились ночевать.

Бывало, и другие люди шли с нами. Дошли до займки, от Юзика всего вёрст с дюжину, бабушка там накормила нас простоквашей. Тут и лошадь с повозкой подвернулась, а на Июсе упала, и все эти толканы наши промочились, заплесневели, мы их выбросили. А займкинские бабушки говорят: “А как сурьёзные реки будете переходить?” Там ни парома, ни лодки — ничего нету. Будете сидеть на берегу, пока лодка какая приплывёт. До обеда, посмотрим, плывёт сверху. Мы крикнули, он подплыл: “На тот берег? Ну, давай по рублю”. Вот язви ты, говорю ему. По рублю. По рублю, ладно, хорошо...

Или песенки напевала тихим, тоненьким, как звук жалейки, голосом:

*Чеки-чеки, чекалдоочки,
Ехал Ваня на палочке,
А Сашенька на тележке,
Щёлкает орешки,
Орешки калёны
С Москвы привезёны.*

Голос бабушки успокаивал, и малыши быстро засыпали. Растолкает их по местам и сядет вязать носки или чинить одежду: зима на носу.

А утром будит, будит — два раза скажет, а на третий ка-а-ак плеснёт водой под одеяло — вскакивали, как солдатики.

В ту же осень в доме стал появляться весёлый демобилизованный старшина Андрей Иванович с медалями и двумя орденами Славы на груди. Выпьёт две рюмки и поёт с Таисией под её гитарный перебор. А пел он залистым тенором, звонким и ладным — не зря перед войной был в хоре ансамбля Красной Армии.

Войну прошёл всю от начала до конца, до самой японской то пулемётчиком, то разведчиком и даже снайпером, а как попал в Восточную Пруссию — не рассказывал. Разве только Таисии.

Баба Ира почему-то невзлюбила его:

— Кобель, как есть кобель, попрыгает, подрыгает и упрыгает. Шибко весёлый, шобутной какой-то.

— Что, мама, вам всё не так, что он плохого сделал? — говорила Таисия. — Самостоятельный мужчина, лесным объездчиком работает, говорит, что клятву дал над убитым другом, у которого осталось трое сирот, взять после войны в жёны обязательно вдову с детишками и вырастить их. Что мне теперь одной куковать? Васю не вернёшь. А без мужика — сама знаешь, и дров не наколоть. Хорошо вот Никита пока помогает. А улетит — ушлывёт в эти юнги, с кем я останусь?

— Ну, ты как знаешь, а меня в эту срамоту не втягивай, — сухо ответила мать и переехала жить к другой дочери, к Кате, но ссоры не допустила.

Перед Новым годом отменили продовольственные карточки, и новогодний праздник стал поистине всенародной гульбой. Люди выставляли на столы самые потаённые припасы, гуляли широко, улицами, с песнями да плясками, детей посылали колядовать, чего давно уже не было. И зазвенели детские голоса у окон и дверей, распевая полузабытое:

*Наша-то коляда
Ни мала, ни велика.
Она в двери не лезет
И в окно нейдёт.
Не ломай, не гибай,
Весь пирог подавай.*

Казалось, что сам воздух стал слаще, а земля — принарядистей, и не так болели раны телесные и душевные.

В магазинах стали появляться продукты, о которых забыли на время войны: копчёная колбаса, сыр, мясо и рыба, икра красная и чёрная, паюсная и зернистая в бочонках, но пока мало что было доступно большинству людей из-за скудности денег, однако главное было в другом — в растущей день ото дня уверенности, что жизнь налаживается к лучшему, что нужно потерпеть ещё годик-два, и никто не будет голодным и бездомным, а терпеть люди научились за многие годы лихолетья, приноровили души свои к долгим ожиданиям счастливой доли, не ропща на судьбу, а веря каждый по-своему, что жизнь воздаст благом за мытарства и горе, за кровавую страду и неутешные слёзы.

В марте снизили цены, стали завозить больше одежды и обуви, и Таисия купила Никите первый в его жизни костюм из коричневой диагонали и ботинки по случаю окончания седьмого класса, — всё с небольшим запасом, на вырост.

На столе в доме, кроме главенствующей картошки, стали появляться маргарин, макароны, селедka, сахар... Андрей Иванович, приходя, приносил с собой колбасу и карамель для детей, но Никита избегал встреч с ним, уходя из дома по делам. И Таисия его не принуждала оставаться, понимая, что для старшего сына память об отце была живой, наполненной реальностью образа, в отличие от младших, которые совершенно не помнили его.

В конце июля Андрей Иванович, заядлый охотник, вместе с приятелем Петром, любителем поохотиться на водоплавающую птицу, собрались сходить на лодке в устье Немана, в его бесчисленные протоки, рукава и заводи при впадении в Балтийское море, и Таисия уговорила Никиту и младшего брата пойти вместе с ними.

— Посмотришь, сынок, на море. Ты же его ни разу не видел, а собираешься в юнги. А вдруг не понравится? Оно же такое, что и берега не видать. И Никита согласился.

До устья было километров шестьдесят, и, загрузив лодку съестными припасами, охотничьим снаряжением, одеждой и солью, они отчалили от дебаркадера за тихходным катером на буксире вниз по течению. Не доходя километров десять до места, катер отцепил их, и дальше они пошли на вёслах, неумелыми гребками толкая лодку по мутной желтоватой воде.

Эта поездка ещё больше укрепила Никиту в правильности выбора судьбы моряка. Когда перед его удивленным, растерянным взором открылось

морское побережье, Никита бросился с лодки в лёгкую волну и сразу же ощутил песчаное дно под ногами. Он шёл и шёл, уходя всё дальше от речных берегов, но море с какой-то странной закономерностью то поднималось ему под самое горло, то опускалось до пояса.

Его окликнул Андрей Иванович:

— Дальше не ходи. Там заканчиваются речные наносы и сразу начинается обрыв, течение заверты крутит, унесёт тебя в море.

И добавил решительно и властно:

— Немедленно возвращайся!

Нет, не появилось испуга у Никиты от этого предупреждения. Он медленно вернулся, забрался в лодку, и пока они гребли в речной плен, он всё смотрел и смотрел на игру света и цветовых оттенков морского простора, пока его совсем не заслонили речные плавни и камыши.

Охота вышла удачной. Птица здесь обитала непуганая, подойти к ней на 20–30 метров не составляло труда, и с дуплета Андрей Иванович брал иногда по 4–5 уток.

Забрели однажды в глухую заводь, над которой стоял затхлый запах непроточной воды, а прямо у поверхности открывали пасти, глотая воздух, вялые крупные щуки.

Из интереса оглушили веслом пару щук, но больше не стали: и соли уже не было, вся ушла на птицу, и уха на последней перед возвращением стоянке вышла так себе, незабористой.

— Вот бы где-нибудь соли раздобыть, — безнадёжным тоном произнёс Пётр, — можно было бы ещё пострелять, да и с пяток щук не помешали бы.

Недалеко на правом берегу был хутор, однако Пётр, зная эти места, считал, что туда лучше не соваться.

— И так мы с тобой немало тут пошумели. Уходить надо.

Андрея Ивановича это только раззадорило, и он всё-таки пошёл на хутор, чтобы купить, если удастся, соли и хлеба.

Вернулся злой, рассказывает:

— Вышел на стук лохматый, угрюмый литовец, долго смотрел молча, как будто спрашивал: “Ты что, ненормальный?”

А уходя, сказал на смеси русского с немецким:

— Убирайся, пока я собак не спустил.

Андрей Иванович ещё долго кипятился:

— Эх, автомат бы мне, не пожалел бы эту недобитую сволочь.

Обратный путь, против течения, был намного дольше. Первую треть шли на вёслах, держась левого берега, где течение было послабее, и только потом их подцепила на буксир попутная самоходная баржа.

По возвращении Никита сразу же подал документы в школу юнг, и хотя ему ещё не исполнилось необходимых для поступления пятнадцати лет, но с помощью знакомых удалось добиться исключения.

Впереди были вступительные экзамены, впереди были два года учёбы по специальности машиниста паросиловых установок, впереди была практика после первого курса с незабываемым выходом в море во время шторма на аварийно-спасательном буксире... Впереди было расставание с родным домом, с матерью и начало самостоятельной жизни в четырнадцать лет от роду.

4

После поступления Никиты в школу юнг Таисия сразу как-то обмякла, походка её потеряла упругость, как будто к ногам груз привязали. Она часто сидела вечерами на крыльце, то ли думая о чём-то, то ли вспоминая, то ли отдыхая от назойливых мыслей: “Как жить дальше?”

Андрей Иванович всё настойчивей искал с ней встречи, даже на танцы приглашал в городской парк, уверял, что туда ходят и постарше неё, да она и сама хорошо знала про вдовьи надежды.

Иногда приезжал старший брат Иван, служивший офицером в Германии. Дети встречали его за километр от дома, радуясь его приезду, конфетам и печеньям, которыми он угощал их.

Таисия советовалась с ним насчёт нового замужества.

— А что в этом плохого? — удивился он, — Васю не воскресить, а хозяин в доме нужен. Ну, а мама поворчит, поворчит и привыкнет. Не обращай внимания.

— Как не обращать? Ведь благословить должна. Как без этого?

Сестра Катя предложила:

— Давайте все вместе поговорим с ней. Должна же она понять. Сама с тридцать восьмого вдовствует, но мы-то, кроме младшего, все были уже взрослыми, двое уже замужем, и мама была не молоденькой — 56 лет.

Собрались у Ирины Васильевны в её каморке, как она сама называла небольшую комнатку, видимо, бывшую подсобным помещением, которую отвёл тёще Николай Михайлович.

Кое-как утолкались, и Катя начала издалека:

— Галя, наша младшая, обещалась приехать. Что ей там, в глуши, делать в девятнадцать лет?

Мать поджала губы-лепестки:

— Ну, собрали маланьину свадьбу! Сами онемечились, так и других тащите в басурманскую землю. В наших-то краях бабы прядут и прялки на небо кладут. А здесь одна хмарь вместо неба. Ну, а поселите куда? — примирительно спросила она.

— Может, у нас пока поживёт, а может, у Таисии. А вообще-то строительное начальство обещало комнату в общежитии. Почему ты думаешь, что мы тут онемечились? Немцев и следа нынче нет.

— Они-то укатили, да дух остался.

Это всё одно, как у шорцев: скоко ни окунай его в купель, а от него всё шаманом воняет. Вот принесли внучки ихний растопыренный крест. В земле нашли. Пока играют с ним, в куклу наряжают, а что опосля будет — кто скажет? Я говорю им: не все надо тащить из земли. Не зря туда упрятано.

Катя решила перейти к главному.

— Вот, — говорит, — нужно Таисии жизнь устраивать. Тяжело ей.

Ваня тоже поддержал:

— Сколько можно одной тащить все домашние тяготы?

— Ну, да. Хорошо. Теперича давай кобеля впрягать, чтобы полегчало, — ворчала мать, но уже как-то добродушно, — Нашлась тягловая сила, ни конь, ни кобыла.

Потом пожевала губы, помолчала и уже совсем примирительно:

— А что вы меня спрашиваете? Я вас вырастила, отпустила в мир, вы птицы вольные. А я отнянчилась.

Таисия встрепенулась, голову подняла:

— Значит, мама, вы не возражаете, если мы с Андрюшей поженимся?

— Я-то ладно. А дети — чистые души, примут чужого дядьку за отца?

— Младшие с ним ладят, а Никита — отрезанный ломоть, у него своя жизнь образовалась.

— А ты была у него? Форма не скособочилась?

— Была. Да не ко времени. Ни посмотреть, ни поговорить. Пойду ещё. Как же без этого?

— Ну, ладно. Идите. Сидючи киселя не сварить. Да и моим косточкам пора отдохнуть.

Таисия не стала торопиться с оформлением брака с Андреем Ивановичем.

Наступила весна, а в мае школа юнг всем своим личным составом отправлялась на плавательную практику на Балтику. Не хотелось Таисии, чтобы какая-никакая свадьба была на глазах старшего сына.

В начале июня на Таисию свалилась новая беда: пришло уведомление, чтобы в месячный срок она подготовилась к переезду на другую жилплощадь. Мол, темпы строительства отстают от темпа роста населения города, поэтому приходится уплотняться.

Ирина Васильевна посмотрела на расстроенную дочь и сказала уверенно:

— Брешут. Присмотрел, небось, твой домик какой-нибудь пузан, вот и настрочили писулю.

— Что же делать? — печалилась Таисия. — Столько труда вложено, сколько намаялись с хозяйством! А Зорьку куда?

— Чего причитаешь на пороге, не ведая, что будет в дороге. Иди. Ругайся. Защищай свои вдовьи права. Зазря что ли Вася голову сложил, чтобы его сиротами помыкали?

Таисия сходила и в горсовет, и в горком, жаловалась, плакала, но там ничего не обещали. Вас не одних переселяют.

И тогда в отчаянии, под горячую руку, она написала письмо в Москву товарищу Сталину. На следующий день спохватилась, да было поздно: ушло письмо. Сначала она испугалась, но потом решила, что письмо либо не дойдет, либо на него не обратят внимания: мало ли жалобных писем ему посылают. И успокоилась, думая, как же ей готовиться к переезду.

— А никак, — мать сказала, как отрезала. — Им нужно, вот пусть и собирают твои пожитки, язви их, и перетаскивают хоть на горбу.

Недели через три вдруг подкатила к дому Таисии важная машина. Вышли из неё двое штатских в чёрных костюмах и спрашивают так вежливо, вроде как издеваясь, остолбеневшую Таисию:

— Вы писали письмо товарищу Сталину?

У Таисии пот на лбу выступил, язык заплетается:

— Да. Я не хотела. Так получилось. Обидно мне стало. Вы уж извините. — Штатские улыбнулись, прошли молча в дом, оглядели его.

— А дети где?

— Играют. Я сейчас позову их.

И Таисия бросилась со всех ног к Кате, чувствуя, как страх покидает её, а в душе рождается предчувствие чего-то хорошего.

Крикнула детей, игравших с девочками сестры, и вся детская орава понеслась на её крик. Так и вернулась в окружении шестерых малюток.

— Это все ваши?

— Нет, моих двое, ещё один в школе...

И забыла добавить — юнг.

Её спрашивали, когда погиб муж, в каком звании, где она работает, откуда сюда приехала и когда, и ещё о чем-то, что уж и не запомнилось.

Наконец один из приехавших сказал:

— Живите здесь, в этом доме и ничего не бойтесь. Вас никто не выселит.

Доставили из машины три коробки с подарками для детей и уехали.

Этот случай взбудоражил весь поселок. Два дня об этом только и говорили, на третий день половина жителей стала сомневаться, что такое вообще могло быть, а через неделю уже никто не верил ни в письмо Сталину, ни в приезд важного начальства, отменившего решение о переселении семьи вдовы погибшего офицера. И только Таисия и её дети знали, что всё было именно так, как было в тот незабываемый июньский день 1949 года.

Вскоре после этого события Таисия и Андрей Иванович расписались в городском загсе, не меняя фамилий, и решили отпраздновать свадьбу в кругу родственников и ближних соседей.

Андрей Иванович накануне завалил дикого кабанчика в лесу, Таисия с Катей наготовили разных блюд из картошки и других овощей, купили масло, сыр, селёдку, конфет и пряников.

Накрытый стол излучал почти забытые запахи предвоенной жизни, и Катя даже посетовала, что для полноты счастья не напекли сибирских пельменей.

Ирина Васильевна пришла едва ли ни первой, когда стол уже накрыли, и дети потаскивали с него любимые лакомства. Она шутанула их, вышла из дома и села на крыльцо, ворча:

— У нас завалинки уже в мае теплые, а здесь посередине лета к приступкам примёрзнуть можно.

Она дождалась, когда Андрей Иванович вышел во двор, и позвала его в сад, где было что-то наподобие лавочки.

— Ну, что, зятёк, — начала она, — теперь, наверно, уже поздно спрашивать, каков ты гусь, но я и так вижу, что никаких каверз ты в голо-

ве не держишь, всё делаешь по совести, но поведай мне, старухе, как ты решился взять троих сирот на воспитание. Припозднилась я с этим разговором, но поздняя весть трёх ранних стоит.

Андрей Иванович ждал такого разговора и хотел его, чтобы не было кривотолков и сплетен вокруг его женитьбы.

Чуть склонив свои матово-тёмные, с проседью, кудри, он рассказывал не торопясь, благодарный за искренний интерес к нему.

— В шахтёры я пошёл в шестнадцать лет, а в девятнадцать призвали в армию. Нельзя сказать, что шёл с большой охотой, потому что настраивалась моя свадьба с одной хохлушкой. Настраивалась да не настроилась, как худая скрипка. Ушла она к другому, как только меня призвали. И дня не стала ждать. Меня это сильно, как шашкой, рубануло по самолюбию. Весёлый я был, на самодельной скрипке играл, на гармонии. Всё умел делать, что положено мужику. Обидела она меня до самых печёнок, до ненависти ко всему роду женскому. И я попросился служить в Забайкалье, подальше от родной Украины. Думал — там отмякнет душа, забуду про свою неудачную любовь. Про неё-то я мало-помалу забыл, а ненависть осталась. Там я через самодеятельность попал в хоровую группу ансамбля песни и пляски Александра, а тут и война началась. И пошёл я на неё с этой самой ненавистью, только обращённой к врагу, и с полным равнодушием к смерти. Лез в самое пекло, будь что будет. Пять раз лежал по ранению в госпиталях, четыре раза убежал отсюда на передовую. Был у меня друг, Степан, ближе брата родного. В каких только передрыгах с ним не побывали, берегли друг друга, а судьба солдатская берегла нас. Один раз только оплошала, под Будапештом. Снаряд разорвался аккурат между нами. У меня только руку зацепило, а его — насмерть. А как он любил свою семью — жену и трех детишек, как он любил их! Только этой любовью и жил. Может, и мою ненависть излечил этой своей неистойвой силой любви. Тогда я поклялся над его могилой, что если женюсь, то только на вдове погибшего солдата с его мальыми сиротами, подниму и воспитаю их. После войны на западе поехал я на японскую, свыкся с товарищами, с солдатским хлебом, со своим автоматом. Ну а когда вконец отвоевались, приехал сюда, в Пруссию, чтобы только не в родные места. Матери с отцом уже не было, а о братьях ничего путного не знал, да и чужими мы стали за эти долгие годы, когда шли разными дорогами. Они меня не искали, а я их. Вот, мама, такая история. А дальше всё было на ваших глазах. Вот и судите.

Ирина Васильевна посмотрела на зятя пронизанными глубинным, влажным светом глазами и взяла его за руку.

— Кто я такая, чтобы судить тебя, солдат? Иди к Таисии, и да хранит вас Пресвятая Богородица. А я пойду, полежу, косточкам отдых дам, а потом, может, и надумаю прийти. Ступай, заждались там тебя. Не сердчай, что задержала разговорами.

Свадьба получилась весёлой, шумной, с баяном и скрипкой, с детскими играми и гостями-соседями.

— Ты ничего не понимаешь, — говорила Катя сестре. — Это для тебя она вторая, да еще с поминальными слезами о Васе, а для Андрея-то — первая, настоящая, как птица залётная с радостной весточкой, что одолел он смутное время, и вот оно — его счастье: семья, пусть и слепленная из осколков, да своя, первая и, дай Бог, единственная.

Таисия улыбнулась сестре, обняла её и сидящего рядом Андрея и запела свою любимую:

*Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя...*

Андрей подхватил мелодию на скрипке, а брат Ваня — на баяне, и запели всей свадьбой старинную русскую песню, словно испрашивая благословение у своего рода жить по своим русским обычаям.

...В августе вернулся с практики Никита, загоревший на морском ветру, с почерневшими от угольной пыли ладонями. Андрей Иванович, жалеючи Таисию, отложил свой переезд к ней. Решили подождать, пока старший сын не окончит школу юнг.

Но под Новый год Никита сказал матери:

— Чего вы живёте отдельно? Всё равно я всё знаю. Пусть переезжает к нам. Я хочу, чтобы тебе было легче.

— Не будет уже мне легче, сынок, чем когда-то, до войны. Память ревнива и по-особенному жестока. Она не упустит случая напомнить о грехах наших, иногда с каким-то мстительным наслаждением, сравнивая потерянное с приобретённым. Но ты пока не поймёшь этого. Только прошу: не суди меня. Вася, твой папка, всегда со мной, как будто и не погиб в той далёкой Карелии. Мне вас поднять надо. Вот ты уже поднялся на одно крылышко, дай Бог, понадутся добрые люди — и окрепнешь, станешь, как папка. А младшие совсем ещё беззащитные. Ты сам видишь, Аллочка и телом, и умом слабенькая, а Юра часто болеет. Ему и здесь, наверно, не климат, нужно в сухие места переезжать.

Таисия обняла сына, прижала к себе, но он уже не помещался в её объятиях.

— Большой ты стал у меня, уже не спрячешь под мамкиным подолом.

Никита мягко отстранился от матери.

— Я не смогу называть Андрея Ивановича отцом. Младшие — как хотят, а я не смогу.

Таисия перевела разговор на школу юнг.

— Говорят, у вас драки бывают с городскими?

— А ты приходи — посмотришь, как мы живём.

Таисия давно собиралась снова сходить в школу юнг, взглянуть на неё изнутри, поговорить с начальством о сыне.

Встревожили её и разговоры людей о драках юнг с военными и гражданскими ребятами, были даже убитые.

Чтобы быть посмелее, взяла с собой приехавшую сестру Галю.

Школа юнг размещалась в четырёхэтажном массивном кирпичном здании, обнесённом высоким кирпичным же забором, по верху которого шли два ряда колочей проволоки. У немцев здесь находилась юнкерская школа, а во время войны — какая-то секретная часть.

Не перестраивая здание, приспособили его для молодых моряков, но оно по-прежнему хранило прусскую тяжеловесность и надменность, исходящую от каждого кирпича. Видимо, это как-то влияло на молодые души, и юнги считали себя хозяевами города и никому не прощали обид, свято чтя заповедь моряков: один за всех и все за одного.

Встретили их настороженно, но обходительно, передав под опеку командира роты Бурова Степана Петровича, невысокого, широкоплечего, с рубцами на левой щеке и неподвижной, согнутой в локте левой рукой моряка, в поношенном морском кителе без погон и звездой Героя Советского Союза.

Таисия обомлела. Она никогда ещё не видела человека с такой высокой наградой и растерялась, позабыв, что хотела сказать и о чём спросить.

Буров представился и улыбнулся:

— Вы хотите повидаться с сыном?

Видя растерянность сестры, Галя начала разговор сама:

— Не только повидаться, но и посмотреть внутри школу, узнать, как живут юнги, чем занимаются, чему их учат.

— А вы кто? Откуда приехали?

Буров посерьёзней, улыбка спряталась в чуть прищуренных светлых глазах, но иногда с любопытством выглядывала из-под редких бровей и снова пряталась.

— Мы местные, — продолжала Галя, — родные сестры, а у Таисии, — она кивнула на сестру, — здесь учится сын — Никита Кравцов.

Улыбка Бурова озарила всё лицо, и он обозначил правой рукой направление пути:

— Ну, что ж, пойдёмте, покажу, а Никиту повидаете позже, сейчас у них самоподготовка.

Школа произвела на Таисию двойственное впечатление. Ей понравился порядок в каждой мелочи — от заправленных аккуратно двухъярусных кроватей и вымытых до блеска полов до расчищенного от снега широкого двора, фотографий кораблей на стенах, спортивного зала и клуба. Но ознобно давили высокие потолки, холодом веяло от кирпичных оштукатуренных стен, покрашенных бледно-коричневой краской, и бетонных полов в самом большом кубрике на сто двадцать коек. Она вспомнила казармы бойцов в дальневосточном гарнизоне, где всё было почти по-домашнему: бревенчатые стены, половики и занавески создавали уют и теплоту, напоминая бойцам родной дом.

— Может быть, хотите посмотреть столовую? — спросил Буров.

— А долго ещё ждать, когда закончится самоподготовка? — Таисия окончательно пришла в себя, и ей не терпелось увидеть сына.

— Расскажите, как он учится, как ведёт себя, ладит ли с товарищами? Извините, что спрашиваю, может, у вас нет времени. Матери всё хочется знать, ведь ему и шестнадцать ещё нет.

— Да, он самый младший у меня в роте. А есть такие, которым уже за двадцать, которые пороха понюхали на войне и медали имеют.

Буров провёл сестёр в библиотеку и предложил подождать здесь Никиту. Добавил к сказанному немного, скупно, как привык на флоте, где отродясь не любили многословия.

— Учится нормально, с товарищами тоже всё хорошо. У нас меньших не обижают. Закон такой. Думаю, что моряк из него получится хороший.

После ухода Бурова вскоре пришёл Никита — и сразу же с обидой:

— Зачем вы пришли? Чтобы потом смеялись надо мной? Я сам приду к вам, когда дадут увольнительную.

— Ты же говорил: приходи.

— Я пошутил. Идите домой, а то набегут сейчас.

И почти вытолкнул Таисию и не стал даже провожать до проходной.

— Вырос Никита, взрослым себя чувствует, потому и стесняется, что мать к нему пришла, — успокаивала Галя Таисию, видя, как она вытирает слёзы.

Пошёл снег, мокрый, липкий. Он неприятно сползал по лицу, стекал за воротник, вызывая мелкую дрожь кожи.

— У нас в марте в тайге ещё, наверно, снега выше колен, и мороз под тридцать. Хорошо! Сейчас бы туда.

Таисия взяла Галю под руку и прижала к себе.

— Ничего, сестрёнка, когда-нибудь мы туда вернёмся — в лапушистые снега и ярое лето. Не получится из нас прусских русаков. Не зря говорят: где родился, там и пригодился. Пошли. К Новому году будем готовиться, может, и Никиту отпустят на праздник.

6

Новый год встречали всей семьёй, теперь уже полноценной. Младшие звали Андрея Ивановича папой, а Никита всякий раз морщился при этом, с жалостью поглядывая на сестру с братом. Но его радовало, что фотография родного отца висела в рамке на видном месте и что мать не избегала разговоров с Никитой о нём.

Зима выдалась сырая, с сиротскими снегами и дождевыми моросями, морозы изредка едва переваливали за -5°C , и тогда деревья укрывали свои ветви в тончайшую бахрому, которая потом, при оттепели, сползала, стекала вниз на землю тощими змейками и мутными каплями. Промозглый ветер с Балтики пронизывал насквозь ветхие одежды людей, завывая ночью в горловинах улиц, в щелях черепичных кровель и в переплетении проводов.

У Таисии обострилось лёгочное недомогание, у детей не проходил на-

сморг, особенно у младшего. Неделями, а то и месяцами люди не видели солнца, укрытого серой тяжеловесной хмарью, медленно ползущей с запада на восток.

В очередной приезд Ваня сказал, что его переводят из Германии в город Орел, и Ирина Васильевна сразу заявила сыну:

— Как хошь, но мы с Витюшей, младшим братцем твоим, поедем жить к тебе. Не дай Бог, скопычусь здесь, похоронят в чужую землю, а в России хоть зимы как зимы, и леший не гундосит по ночам.

— А что, мама, — Таисия осторожно спросила её, — в Сибирь, на родину и ехать не к кому?

— А то ж. Есть там у меня братец — беспутный Кузьма, к бабам липнет да пьёт, как лошадь. Не к нему же.

— У тебя есть адресок его? Дай на всякий случай. Мало ли как жизнь повернётся, а осесть здесь навечно и мне неохота.

— Тебе-то что заботиться о кудели, ежели овцы ещё не поспели. Живи себе да живи. Плохо ли в своём дому?

И действительно, жизнь понемногу налаживалась. В марте снова снизили цены в магазинах, на полках бок о бок стояли коробки со всякими изделиями, консервы разные, висели колбасные гроздьи, стояли соленья в бочках, лежали на витринах рыбные тушки. Хоть смотри, хоть покупай того-сего, на сколь наскребёшь в карманах.

В мае Никита закончил школу юнг по специальности трюмного машиниста. Пришёл домой в новенькой форме и с направлением в город Балтийск на судно с мудрёным названием “Лот”.

Младшие смотрели на брата с восхищением, а Таисия не смогла удержать слёз, поднялась в верхнюю комнату и дала себе волю выплакаться за всё сразу: за всю свою нескладную цыганскую жизнь, за тяжкое военное лихолетье, за раннее вдовство и безотцовщину детей, за старшего сына, семи лет ставшего за мужика в доме и так и не узнавшего настоящего детства. Она вспомнила, как он, восьмилетний, доил корову, сидя под ней на корточках, и у него не хватало сил надавить на соски коровы пальцами, и он сжимал и оттягивал их двумя ладошками.

Она плакала о непомерных дорожных тяготах при переезде из Сибири, когда не знала, то ли смотреть за узлами, чтобы не украли, то ли за детьми, то ли бежать на остановках к базарчику, чтобы не видеть голодные сиротские глаза и не слышать то и дело их жалобные, тихие голоса: “Мам, исть хочу”. Но больше всего она плакала о себе, мыкающей по белому свету в поисках неизвестно какого счастья.

Наплакавшись, она услышала, как муж зовёт детей к столу и просит Никиту поискать мать.

Подумала: грех жаловаться на судьбу. И дом есть, и муж, и дети, слава Богу, подрастают здоровыми и не тронутыми всякими порчами. Сколько она повидала людей, убитых неподъёмным горем и бедами, потерявших свои семьи, своих близких, искалеченных и бездомных! Но они жили и несли свой крест достойно человеческому званию. И ещё подумала: не зря мама говорила мне: “Не жалуйся на судьбу — не буди лиха, пока оно тихо”.

Таисия вытерла слёзы и спустилась вниз улыбочивая, приветливая, обняла Никиту:

— Тебе, сынок, завтра уезжать. Давайте отметим начало твоей новой жизни. Я и бутылочку вина приберегла. Сегодня тебе можно немного выпить и нам тоже, правда, Андрей?

Андрей Иванович засмеялся:

— Какое там вино? Это же что слону дробина. Я вот бутылку водки припас. Во цеж воно будэ дило! — вдруг по-украински сказал он, что делал крайне редко и только в хорошем настроении.

И всё-таки после отъезда Никиты Таисия почувствовала непривычную опустошённость в себе, которая ещё больше усилилась, когда приехал Ваня и забрал мать и младшего брата в Орёл, по новому месту службы.

И посёлок утишился на пару детских голосов и строгую доброту скупых слов бабы Иры.

Затосковала Таисия, хотя это никак не отражалось в её отношениях на работе и дома, а угнездились где-то в самых дальних уголках души, вызывая иногда то образ сына, то матери, то родных сибирских мест.

В одну из таких минут она написала письмо дяде Кузьме и только потом сказала об этом Андрею.

К её удивлению, он отнёсся к возможности переезда спокойно, увидев в этом свои преимущества:

— Там, наверно, и леса дикие, и охота настоящая, и нет заросших окопов и траншей, пропади они пропадом.

А вскоре пришло письмо от дяди Кузьмы.

Он писал:

“...Места у нас лесные. Однако сеем немного для себя. Остальное прикупаем. Ну, и мясокомбинат рядом, там всегда можно чё раздобыть, хоть костей, хоть брюшины, голодными не будете.

И притужать нынче не притужают, как в войну. Строят, город уширяется. Вот больницу поставили, школу. Опять-таки работа для тебя, племянница. Домик для вас я тоже присмотрел. Неказистый, да ведь леса много. Построим — не хуже других будет. Я ещё не разучился топор в руках держать. А что касается разных наговоров, то я же нормальный образ жизни веду, не такой, как в былые времена.

И жена при мне есть, и сын ейный!”

И стала Таисия думать о переезде.

Сказала мужу:

— Ребёнок у нас будет. Твой. Напишут в метрике место рождения: город Советск. Ни Россия, ни Германия. Так и будет жить без благословения родной землёй.

И после зимы они решились. Послали мебель и тяжёлый багаж железнодорожной малой скоростью на новое местожительство, и стали собираться.

Трудно было расставаться с обжитым местом, с сестрой и соседями, даже с привычным уже посёлком, но особенно потрясло Таисию, когда она стала привязывать на длинный поводок Зорьку, чтобы отвести её на базар, как заупрямилась она, как жалобно замычала, с такой горькой тоской и укоризной глядя влажными глазами на Таисию, что та бросила поводок и убежала в дом.

— Я не поведу Зорьку на продажу, — плача сказала она Андрею, — что хочешь делай, а у меня нет сил смотреть, как она мучается, будто знает, куда её хотят увести. Какая корова, какая умница, сама домой приходила, двадцать литров молока давала, — и снова слёзы опрокинули слова внутрь, и она не могла с ними справиться.

К счастью, покупатель нашёлся в посёлке, и Таисия с мужем и детьми, собрав оставшиеся малые пожитки, утолкались в плацкартный вагон, заняв почти всё купе, и застучали привычно вагонные колеса, и замелькали станции и полустанки, леса да поля в своей весенней страде, города, обновлённые новостройками, а дальше, за Москвой, — потемневшие от стародавности, но, как и всюду, светливые, ненасытные мирной жизнью.

Таисия смотрела в вагонное окно и думала, что, может быть, и хорошо, что судьба помотала её по всей стране от восходного края до закатного, показала, как живут люди в разных местах, и втемяшила в её взбалмошную голову народную мудрость: “Хорошо там, где нас нет”.

Она загаённо вглядывалась в наплывающие пространства и, наконец, почувствовала, как радостно отозвалось сердце на первые признаки приближающихся родных мест с берёзовыми колками и запахами только-только проснувшейся тайги.